

Миясат Муслимова

Говори только слово благое

О поэзии Асламбека Тугузова

Млечный путь истории литературы искрится, мерцает и горит звёздами разной величины, сияние которых не затмевает свет ближних и дальних светил; но неиссякаемость талантов, отрывающих новые миры, — это одно из чудес, которыми награждает нас Творец.

Поэзия Асламбека Тугузова подбрасывает такие поленья в костёр загадок творчества, что вечные споры о нём вспыхивают с новой силой: слишком много стереотипов разбивает явление этого поэта. Не касаясь всех этих вопросов, отмечу одну удивительную особенность его лирики: такой органической цельности кавказского и — шире — восточного мироощущения и русской ментальности до этого в литературе не было. Это новый этап развития русскоязычной поэзии России. Автор, представитель чеченского народа, пишет на русском языке и воспринимается как русский поэт. И причин здесь несколько.

Во-первых, Асламбек Тугузов настолько блестяще владеет русским языком, что сочетание имени и текстов поначалу вызывает удивление. Во-вторых, его поэзия настолько пронизана, пропитана русской и в целом мировой культурой, настолько его строки находятся в живом поле отсылки, ассоциаций, диалога с русской классикой при отсутствии поимённых указаний, что очевидно не приобретённое, а как будто свыше и изначально данное единство поэтического воздуха. Автор не апеллирует к именам известных поэтов, но его поэзия живёт в насыщенном поле человеческой мысли и духа, где он собрат Мандельштаму и Есенину, Лермонтову и Руми. Только единое поле культуры — та праоснова, которая не вырабатывает, а рождает как данность такое явление, как Асламбек. Связано ли это с тем, что вековое соединение двух культур (как минимум) сформировало в его лице новую генетику культуры многонациональной страны, или это плод таланта и усилий самого автора, сказать трудно. Но несомненна третья особенность лирики поэта — лёгкость поэтического дыхания, не знающего ни в чём пределов: ему доступны все жанры, все формы, при этом жанры не имеют самоценности, потому что это лишь форма выражения того, что так захватывает читателя и уже не отпускает его.

И здесь невозможно использовать избитое литературоведческое клише «чувства и мысли автора», потому что нет ничего лучше поэзии, где чувства и мысли неразделимы, где философичность столь же естественна, как сама жизнь, а жизнь — это немислимая свобода духа, осознающего себя и мир изнутри и вовне себя. Это та свобода, в которой нет чужого и своего, нет большого и малого, временного и вечного, жизни и смерти — перед явлением души, которая все объёмлет в себе. И Асламбек умеет выразить всё так, что идёшь к нему, чтобы смотреть его глазами, чувствовать его сердцем, ибо лики подлинного разнообразны, но безошибочно постигаемы. И, конечно, притягательны, если магия звука и ритма, неожиданных и точных сочетаний слов даёт тебе больше простора, как будто освобождая, хотя ты и считал себя свободным. Пределы свободы духа были другими, оказывается.

О трудном и горьком поэт может сказать кратко и ёмко:

Проходит? Ничто не проходит,
Ничто никогда не пройдёт.
Тоскует, под окнами ходит,
Смеётся и что-то поёт!

Но сквозь глухо обронённое, трагическое всегда звучит вера в изначальный свет этого мира, любовь и щемлящая нежность к нему, притяжение жизни:

Я уходил из города в двухтысячном году.

Знание реальной жизни, вовлечённость в её «минуты роковые» может противостоять внутренней устремлённости к другим духовным ценностям, но оно никогда не становится мерой оценки. В переключке царства Божьего вовне и внутри себя земной мир у автора проверяется горним. Проверяется, чтобы обострённей осознать связь между ними:

Вот тогда, вот тогда, — я тебе говорю — вот тогда
Ты почувствуешь боль и надежды живую истому...
Призывая в свидетели синее зеркало льда,
Призываю в свидетели птиц, развернувшихся к дому.

В лирике человек уходит из большой истории в маленькую собственную жизнь, но по законам искусства талантливо выраженной личной всегда

становится национальным или общечеловеческим. И преимущественно лирикой формируются и проверяются духовно-нравственные ценности человека. Лирический герой Асламбека Тугузова — всё тот же мыслящий тростник, и это преимущество у него никто не может отнять. А экзистенциальные проблемы, связанные со смыслом жизни, предполагают вопрос, принял ли тебя этот мир или нет, принял ли ты этот мир. В лирике поэта, такой разной — то ироничной, то пронзительно-нежной, щемящей, то сдержанно-аскетичной, то пророчески-бунтующей, то философски-созерцательной, — нет выбора: мир приемлем таким, каков он по воле свыше, и в основе всего — любовь. Отсюда императив: «Если невмоготу — говори только слово благое». А зло? Наверное, в этом мире единственное место, где его можно победить безусловно, — это своя душа.

Ничто так не влияет на нашу нравственность, как подлинная поэзия, прямо не говорящая о ней. Идеологическому слову не часто доверяют, а слову художественному такая поэзия возвращает веру. Постоянная включённость сознания — требование главных книг веры. Как набат, звучат в Коране слова: «Быть может, вы уразумее!» Эта взыскующая и чаще неявная обращённость к сознанию работает у поэта и тогда, когда лирическая стихия идёт, казалось бы, по его собственным следам. В мире, где внешних условий для внутреннего

роста становится всё меньше, поэзия — некий духовный оберег. В лирическом герое Асламбека Тугузова словно соединяются человек своего времени и вечный человек, которым проверяются мир и отдельное существование. Когда-то Померанц писал, что в книгах и в жизни он всегда отбирал то, что выстраивает душу и делает её независимой от внешних условий. Так же рассматривает творчество и поэт:

Мимолётна любовь, но тотальна мирская хандра,
Если к ночи плеснёт или сразу нахлынет с утра
В золотом сентябре. В ожидании верного чуда
Собираю слова, расставляя их в нужном ряду...

Человек живёт на границе временного и вечного, когда служит высшим началам. Степень противоречия или мера расстояния между ними может быть различной, но умение выйти за пределы только внешнего времени даёт автору возможность преодоления и свободу. Идти по следу такого автора — значит идти рядом с ним. Для читателя это всегда обретение. Такова и книга Асламбека Тугузова. Даже если не все мысли могут быть осознаны читателем, они будут прочувствованы благодаря эстетике текста, художественной отделке произведений, деталям, меняющим оптику восприятия, — а значит, станут частью нашего «я», нашего внутреннего мира. Поверьте, внешний мир только выигрывает от этого.